

УДК 316.52(470.6)

С. Л. Дударев

Клычников Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.

Книга известного историка-кавказоведа д.и.н., проф. Ю. Ю. Клычникова представляет собой интересную попытку осмысления такого научного концепта, как совместничество, являющегося важной стороной феномена российской истории. Последний, будучи предложенным в начале 1990-х гг. В. Б. Виноградовым, претерпел определенную эволюцию. Основная линия развития понятия «российскость» за прошедшие практически четверть века заключается в том, что оно становится все более сложным и неоднозначным. Термин постепенно наполняется выразительными и противоречивыми гранями нелегкого, драматического взаимного русско-кавказского узнавания и притирания в межкультурном и этнополитическом диалоге исторических партнеров, идущем на Северном Кавказе последние двести с лишним лет. На это обстоятельство автор и обращает внимание в своем небольшом Введении, весьма знаково приводя фрагмент из стихов Ф. И. Тютчева, в которых присутствует ключевая мысль о том, что союз между сторонами не обязательно зиждется на крови, но может более прочно быть скреплен любовью. Посмотрим же, что привнесло исследование Ю. Ю. Клычникова, образно выражаясь, в «формулу любви», которая долгие годы вырабатывалась и продолжает вырабатываться в ходе взаимной исторической деятельности русских и кавказцев.

**Первая глава** книги кратко характеризует этапы интеграции России и Северного Кавказа на протяжении последнего тысячелетия. И весьма примечательно то, что в самом начале он, обращаясь к смыслу понятия «совместничество», по традиции, отталкивается от его трактовки В. И. Далем, как соперничества, состязания, соревнования, и приходит к мысли о том, что совместничество русских и кавказцев – это, скорее, «сотрудничество-соперничество» (вспомним здесь известное словосочетание из области спорта – «друзья-соперники»).

Важно то, что, уже набрасывая очертания политических контактов Руси, а том числе, Московской, с северокавказцами, автор показывает тот непреложный и крайне важный факт,

S. L. Dudarev

Klychnikov Yu. Yu. Sovmestnichestvo: a retrospective analysis of the specifics of Russian-North Caucasian relations. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 108 p.

что найти стабильных, постоянных партнеров по диалогу (или посредников в таковом) московским (а затем и петербургским) правителям, в существовавшей политической «чересполосице» и многовластии, было крайне сложно. При этом Ю. Ю. Клычников не обходит вниманием и внешнеполитическую мотивацию действий центральных властей, указывая на противодействие их усилиям со стороны Турции и Ирана. Данный фактор, отражаясь в постоянной смене политической ориентации горских «владельцев», порождавшей рост нестабильности, имел своим результатом строительство Кавказской линии, призванной, в чем, несомненно, прав автор, стать барьером на пути иноземных вторжений. Это был фактор, обострявший русско-северокавказские отношения, хотя Ю. Ю. Клычников скептически относится к такой мысли. Но вопрос в том, что сами горские «владельцы» изначально, еще в середине XVI в., позвали московского государя соорудить крепости на Северном Кавказе. Защищать данную территорию, выполняя свои союзнические и «протекторские» обязательства, находясь где-либо на Нижнем Дону, российским «силовикам» всех времен было крайне неудобно и нецелесообразно.

Говоря о сложных перипетиях русско-северокавказского взаимодействия в контексте различных факторов, Ю. Ю. Клычников придерживается того перспективного мнения, что интеграция России и Северного Кавказа была не простым завоеванием новых территорий, но по сути была важным рычагом будущей модернизации северокавказского ареала. Автор прав, утверждая, что инициированные Россией урбанизационные процессы должны были породить новых людей, готовых к межкультурной коммуникации, влиявшей в плане преобразования на местный традиционализм, на архаические ценности, не преодоленные, впрочем, еще и сегодня. Являвшиеся базой для возникновения городской жизни и новых идентичностей укрепления Кавказской линии обозначили линию северокавказского фронта. Употребление этого термина автором – важ-

ная подвижка в его научном инструментарии. У Ю. Ю. Клычникова произошел поворот к более разносторонней оценке «фронтара». Специалист демонстрирует понимание того, что хотя «неопределенность», как важное свойство фронта, казалось бы, была исчерпана после полного взятия под контроль Россией земель северокавказских горцев, однако черты «фронтирности» продолжают прослеживаться в культурно-исторической сфере горских народов, особенно в их ментальности, и поныне.

Пристальное и немалое внимание Ю. Ю. Клычниковым уделяется месту работорговли как явления, которое препятствовало сближению горцев и русских. Отдавая должное его эрудиции, мы бы хотели, в свою очередь, заметить, что усилия российских властей по пресечению работорговли/пленопродавства были связаны не только с гуманистическими соображениями правительства. Борясь с работорговлей, власти, прежде всего, стремились пресечь связи горцев с Османской империей, необходимость чего отлично понимал и А. С. Пушкин, и переориентировать их на Россию.

Буквально в нескольких строках касаясь феномена «Кавказской войны», автор указывает на самое главное, по его мнению, в данном явлении, а именно вновь позиционирует его как сложный процесс модернизации, переживаемый народами региона (см. выше). С пониманием относясь к мысли автора, мы, с одной стороны, подчеркнем, что этот процесс был двусторонним, и шел как от России, так и от самих горцев (имамат Шамиля). С другой же, все-таки укажем исследователю на то, что это был, в лучшем случае, процесс предмодернизационный, который готовил для нее почву. В частности, возникает вопрос: насколько внедрение шариата является «модернизацией»? Ведь перед синхронными имамату ближневосточными обществами, например, Османской империей, стояла задача, скорее, ограничения шариатских порядков, чем их реанимация и господство.

Характеризуя те острые и неоднозначные процессы, которые шли у горцев во второй половине XIX – начале XX в. Ю. Ю. Клычников касается темы абречества. По ней написано немало исследований, в том числе, недавняя монография В. А. Матвеева, которую можно было использовать при написании книги (Матвеев В. А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. 268 с.). Следует отметить, что мы, в принци-

пе, согласны с Ю. Ю. Клычниковым в прозвучавших в первой главе оценках, касающихся судеб казачества Северного Кавказа, которое отрицательно встретило Советскую власть, устроившую разгром казачества, как социально чуждой ему силы, либо закрывавшую глаза на те удары, которые ему наносили представители горских народов. Необходимо указать и на то, что репрессии обрушились не только на антисоветски настроенных казаков. Выселению из станиц одновременно с «контрреволюционными» подвергались и «советские» семьи (С. А. Голованова). Причина всего этого была в том, что Троцкий, Свердлов и иже с ними стремились ликвидировать казачество, как наиболее пассионарную силу русского народа, способную к самоорганизации.

Остановливаясь на событиях Великой Отечественной войны, автор касается острой темы коллаборационизма. Разумеется, в небольшой книге невозможно подробно осветить все подобные вопросы. Но, если вернуться назад, стоит задуматься, в том числе и нашему автору – почему же среди тех горцев, которые воевали на фронтах Первой мировой войны (Кавказская Туземная конная дивизия прозванная еще Дикой), случаев измены присяге и воинскому долгу не было? Необходимо оценить и то, почему воинская, офицерская элита горских народов сражалась против большевиков на стороне белых, хотя их отцы и деды еще не так давно проливали кровь, свою и чужую, во время «Кавказской войны». Как же вышло, что в одних случаях совместничество и «российскость» работали, а в других – нет? Возможно, здесь следует вспомнить о феномене «иммунности». Очевидно, что в данном отношении имеется еще немало т.н. «белых пятен».

В конце главы исследователь позиционирует события второй половины XX – начала XXI в. Он верно указывает на то, что рабочий класс северокавказских республик в большей степени состоял из славянского элемента, лучше адаптированного к особенностям городской среды. К этому следовало бы добавить то, что сформировался и отряд рабочего класса в лице выходцев из северокавказских народов. Однако он все больше был занят в сфере местной промышленности и сельском хозяйстве (рабочие совхозов), в то время как промышленный пролетариат кавказского происхождения был немногочислен. Но и такой расклад обеспечивал определенное снятие межэтнической конкуренции, особенно в сфере землепользования. Она была, как правильно пишет Ю. Ю. Клычников, латентной. Мы

согласны с ним в том, что системный кризис 1980-х вел к ренессансу архаики и вытеснению «чужих», что ярко проявляется и сегодня. В то же время, укажем на то, что при вытеснении некавказцев, вписывающемся в известный феномен «дерусификации», активно вытесняются из республик и «свои» (см. ниже). Очевидно, что попытки модернизации региона должны опираться на консолидацию членов северокавказских обществ независимо от национальной принадлежности в целях выхода на новые технологические и интеллектуальные уровни, достижения социальной справедливости. Для преодоления отрицательных сценариев развития событий необходимо переломить тенденцию к дотационности, а также дать равные возможности всем, кто живет в субъектах региона, особенно национальных. «Нетитульность» «некоренных» народов является в этом смысле серьезным и пока что непреодолимым тормозом и залогом их дальнейшего оттока за пределы Северного Кавказа.

Во **второй главе** автор анализирует ментальные и социокультурные факторы формирования русско-северокавказских отношений через призму концепции российскости. При всем том, что мы согласны с автором в акцентированном позиционировании важной роли соперничества в характеристике российскости, укажем Ю. Ю. Клычникову на то, что при этом невольно упускается другая, **основная** ее черта: *органический синтез* русского и нерусского в процессе исторического партнерства.

Отправной точкой в анализе сложной диалектики совместничества на Северном Кавказе, как части Большой России, являются события т.н. Кавказской войны. Именно в эту эпоху появился и знаковый лермонтовский очерк «Кавказец». Уже в нем мы видим тенденцию к синтезу, шедшему в ходе драматического (и нередко, трагического), взаимодействия, а также же взаимовоздействия, осуществлявшемуся прямо в русле военных событий. Автор пишет о парадоксальности культурной коммуникации в ходе «Кавказской войны». Историки уже обращали на это внимание (В. В. Дегоев). Одним из ярких проявлений такой парадоксальности был феномен «окавказивания» российских войск, ведших боевые действия на Кавказе, о котором уже неоднократно писалось специалистами (В. В. Лапин, Н. Н. Великая и др.). Он принимал, порой, крайние формы. В такой ситуации, возможно, приходится говорить даже о феномене частичной «демодернизации» российской армии в специфических условиях Кавказа.

Интересны рассуждения автора о генезисе образов кавказцев в российском восприятии. Ю. Ю. Клычников справедливо берет в этом вопросе за основу положение о «революции потребностей» в местном обществе, которое, фактически берет истоки еще в работе А. Ардасенова «Переходное состояние горцев Кавказа», т.е. изменении материальных устремлений, желаний и вкусов горцев под влиянием искусительной (по В. В. Дегоеву) российской цивилизации. По сути же, эта «революция» была предсказана как желаемая для преобразования горцев еще российскими авторами первой половины-середины XIX в. (П. Д. Цицианов, С. М. Броневский, Н. С. Мордвинов, А. С. Пушкин и др.). Данная тема, как точно отмечено автором, не потеряла своей актуальности и сегодня. Коррупция в субъектах Северного Кавказа (впрочем, как и во всей стране), помноженная на этнокланократию, стала уже «притчей во языцех». Но возникла она еще в позднесоветский период. Уже тогда материальные ресурсы были неофициально поделены между кланами. Произошло четкое приспособление неофициальных страт местных народов, особенно их номенклатурно-клановой верхушки, к особенностям редистрибутивной (перераспределительной) экономики советского строя. Нынешняя же ситуация в республиках Северного Кавказа характерна тем, что, как отмечено Ю. Ю. Клычковым, немало энергичных выходцев с Кавказа предпочитает отправиться в Большую Россию, где растет их конкуренция с другими россиянами. Причина этого в том, что ниши на местах заняты более многочисленными и могущественными клановыми и иными группировками коренного происхождения, доминирующими в рамках описанного в литературе феномена этнокланократии. Они «распилили» должности и ресурсы, не подпуская к ним менее многочисленные сообщества, представители которых вынуждены «искать счастья» по всему пространству Большой России. Недавние исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова, проведенные в субъектах СКФО, показали, что 43% жителей хотели бы покинуть свои республики, поскольку нет связей и перспектив. Среди таких «лишних людей», по имеющимся у нас сведениям, зреет серьезное недовольство подобным положением, и желание «навести порядок» на местах.

Одновременно, клановость, которая теперь не имеет нужды маскироваться, открыто стала позиционироваться, как важная часть самоидентификации горских народов. 18.10.2016 г.

исполнилось 100-летие со дня рождения выдающегося ингушского поэта Джамалдина Яндиева. На торжественном вечере, посвященном этой юбилейной дате, глава Ингушетии, Герой России Ю.-Б. Евкуров сказал о том, что Д. Яндиев всегда был верен своей родине, своему народу и своему тейпу (Телеканал «Ингушетия»). Похоже, это был момент истины. Замкнутость на свою локальную общность, превалирование ее интересов, отмечаемые Ю. Ю. Клычниковым даже у местных интеллектуалов, прослежены еще А. Ардасеновым у горцев конца XIX в. Они ярко проявились в период в конце XX в. в период т.н. чеченской революции, когда достояние республики подверглось тотальной «прихватизации», что нам довелось видеть собственными глазами. Большую роль в определении будущего облика северокавказских обществ начала XXI в., несомненно, играет молодежь. Ее участие в «Кавказской войне» и последующих событиях вплоть до середины 1940-х гг. показывает высокую роль того вызова, который новые поколения бросали более старшим, реализуя, как указывает автор, возрастную склонность к агрессии. Ныне отмечаемая им «конкуренция-игра» ведется горской молодежью уже на пространствах всей Большой России, в том числе, и в столице нашей Родины.

При этом из прошлого заимствуются образы тех или иных исторических деятелей, прежде всего героев «Кавказской войны», среди которых особое в национальной среде место занимает имам Шамиль, который, как замечает Ю. Ю. Клычников, становится кумиром для пассионарного горского юношества. И эти образы действительно весьма востребованы в идущих «войнах памяти», как в горской, так и русской (А. П. Ермолов, Г. Х. Засс, и др.) среде. При этом заметим, что образы Шамиля и его сподвижников, а также их русских противников тиражируются не только в научной литературе и в блогосфере, но и в произведениях кино- и телеискусства, вплоть до мультфильмов. В чем причина такой востребованности персонажей войны XIX в.? Горские герои и их деятельность (в кавказских версиях), с одной стороны, не только являются образцом высокого патриотизма и традиционной маскулинности, верности своим духовным ценностям. Их кодекс поведения является образцом для подражания тем, кто стремится найти альтернативу коррумпированной местной власти. Их визави (в русских версиях) – пример исполнения воинского долга и верности присяге, любви к Родине, стойкости в отношении противника,

и, что немаловажно, неприятия «столичного бомонда» и его правил игры.

Автор прав в том, и об этом уже писалось ранее В. В. Лапиным, что война на Кавказе в XIX в. при всей ее драматичности и трагичности, была на периферии сознания российского общества, и не касалась рядового обывателя. Это во многом влияло на формирование облика горцев, особенно их вождя, в восприятии русской публики, которая восторженно встречала Шамиля в Москве и Санкт-Петербурге, Калуге, и др., открыто признаваясь ему в любви. Она обожала романтических героев, навеянных поэзией и прозой Пушкина, Лермонтова, но еще больше Марлинского. Тёзку знаменитого имама по фамилии Басаев в 1990-е гг. там же ждал бы совсем другой прием. Впрочем, на самом Кавказе, среди русских «кавказцев», среди казачества, которое сталкивалось с горцами в боях и нередко несло тяжелые потери, отношение к ним, в чем следует согласиться с автором, было вовсе не фатальным. И здесь можно бы было вспомнить не только любовь русских кавказцев ко всему горскому, как делает автор, но и тот факт, что среди казаков, партнерство которых с горцами было ярко контрастным (дружба-вражда), не сложилось образа непримиримого врага (работы А. Р. Салчинкиной и О. В. Матвеева).

Интересны наблюдения Ю.Ю. Клычкова о генезисе психологии горцев в историческом времени, который находит параллели, скажем, среди представителей других нерусских народов советской эпохи («...чуть-чуть румын, немного турок / а в целом русский патриот»). Можно в этом смысле вспомнить и строки замечательных северокавказских поэтов, которые во второй половине XX в. в своем творчестве ярко и талантливо зафиксировали как традиционное горское достоинство и непреклонность, так и трудный путь к взаимному сближению, а также огромную роль гуманизма россиян в их стремлении вовлечь горских сынов России в разнообразные формы ее внутренней жизни (Р. Гамзатов, Исхак Машбаш). Отечественные историки не так давно отмечали и то, что еще в дореволюционный период у кавказцев сформировались этноэлиты с наднациональной имперской идентичностью, входившие в политическую и культурную элиту империи, Они с гордостью ощущали себя носителями великого культурного синтеза двух начал – имперского и традиционно-этнического (В. В. Дегоев и Р. Ю. Ибрагимов). Подобная идентичность складывалась, конечно, не только у них, о чем можно судить по творчеству советского поэта

П. Д. Когана (1918–1942). Но, то было в советское время, скажут иные. Тем не менее, сегодня, когда, казалось бы, с империями на Руси покончено, необходимостью в них, образующую острым дефицитом державности, как вроде бы, ни парадоксально, взыскуют именно представители горских народов. Современный автор А.-Н. З. Дибиров высказывает сожаление о том, что «из русского этнического сознания постепенно выветривается дух «имперскости». Его утрата чревата далеко идущими последствиями, как для Российского государства, так и для составляющих его народов. Разумеется, те острые проблемы современного бытия, когда пассионарность и агрессивность кавказцев, порой жестко позиционирующих свою маскулинность на улицах российских городов, а экзотические виды Грозный-Сити, напоминающего пресловутые Эмираты, резко контрастируют с разрухой где-либо под Рязанью или Томском, и вызывают в Большой России эмоции, вроде «Хватит кормить Кавказ!», нельзя не видеть и невозможно забывать. Но для их регулирования нужна твердая политическая воля Центра и продуманная, многослойная, многоступенча-

тая национальная политика. Однако ее нет. Но то, что есть кавказцы, которые думают о судьбах державы, и их немало, также не вызывает сомнений. И в этом залог того, что интеграция Северного Кавказа и Большой России должна найти новые конструктивные и взаимопользные формы во имя спасения страны. Но медлить нельзя.

В Заключении подведены итоги исследования. Невозможно прокомментировать все грани интересной, своевременной и нужной книги Ю. Ю. Клычникова. Желаем читателю чаще обращаться к ее содержанию для более глубокого понимания того нелегкого, сложного и противоречивого процесса сближения сынов Северного Кавказа и Большой России, который продолжается и сегодня. Первая женщина-карачаевка – доктор исторических наук З. Б. Кипкеева как-то написала: «Центр и Периферия прошли путь побед и поражений вместе...». Уверены в том, что именно положительный потенциал этого общего пути будет путеводной звездой для тех, кто думает о совместном будущем великой Родины и ее замечательного кавказского уголка.